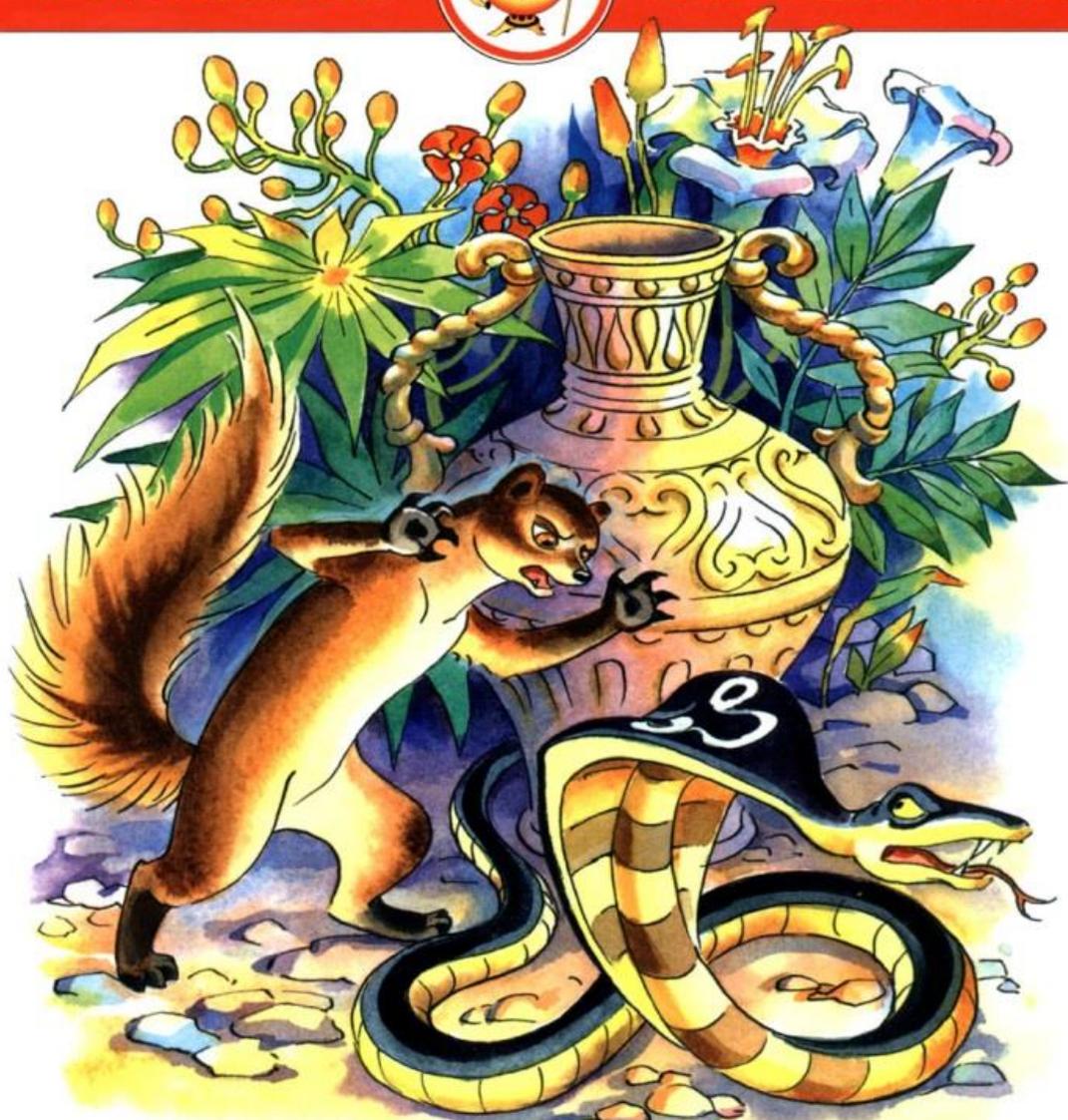

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Редьярд Киплинг

**«РИККИ-ТИККИ-ТАВИ»
И ДРУГИЕ СКАЗКИ**

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Редьярд Киплинг

«РИККИ-ТИККИ-ТАВИ» И ДРУГИЕ СКАЗКИ

Художник
Надежда Кузнецова

Москва 2020

СЛОНЁНОК

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давным-давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слонёнок, который был страшно любопытен, и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он приставал к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не этак, и долговязая тётка Страусиха давала ему за то тумака своей твёрдой-претвёрдой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дяде Жирафу и

спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядя Жираф давал ему за то тумака своим твёрдым-претвёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глазки, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за то тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядю Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядя Павиан давал ему за то тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы он ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся, – он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал тумаки от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слонёнок – надоеда и приставала – спросил об одной такой вещи, о которой он ещё никогда не спрашивал. Он спросил:

– Что кушает за обедом Крокодил?

Все испуганно и громко закричали:

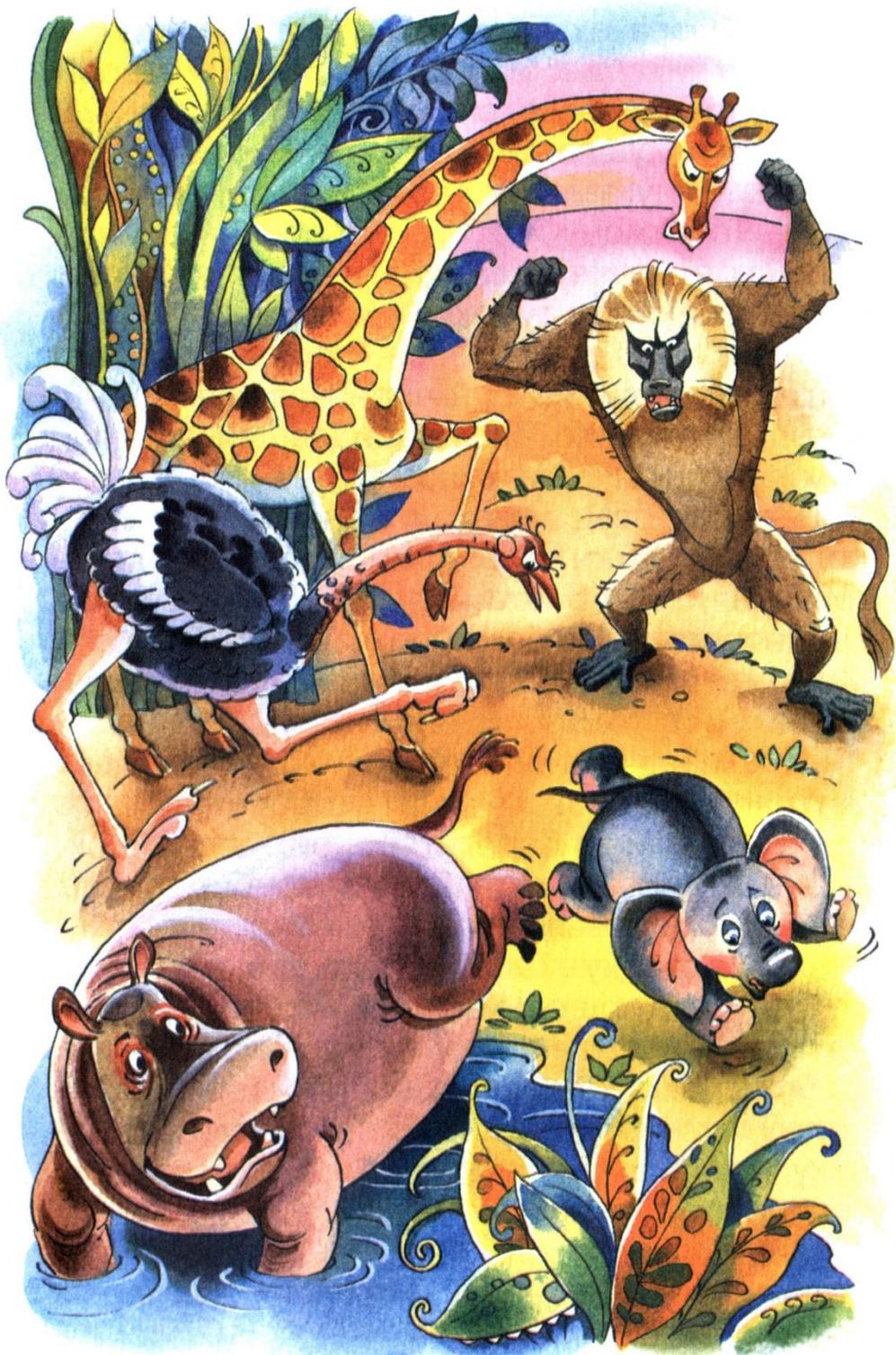
– Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, стали сыпать на него тумаки.

Били его долго, без передышки, но, когда кончили бить, он сейчас же подбежал к птичке Колоколо, сидевшей в колючем терновнике, и сказал:

– Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дяди колотили меня за несносное моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что кушает за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо печальным и громким голосом:

– Ступай к берегу сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующее утро, когда от равноденствия уже ничего не осталось, этот любопытный Слонёнок набрал бананов – целых сто фунтов! – и сахарного тростнику – тоже сто фунтов! – и семнадцать зеленоватых дынь, из тех, что хрустят на зубах, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родичам счастливо оставаться, отправился в путь.

– Прощайте! – сказал он им. – Я иду к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку, и там я во что бы то ни стало узнаю, что кушает за обедом Крокодил.

И родичи ещё раз хорошенько вздули его на прощание, хотя он чрезвычайно учтиво просил их не беспокоиться.

И он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем. Из города Грэма он пошёл в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец не пришёл к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, о каких говорила ему птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слонёнок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, – был Двухцветный Питон, Скалистый Змей, обвинившийся вокруг какой-то скалы.

– Извините, пожалуйста! – сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. – Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться!

– Не встречался ли мне Крокодил? – презрительно переспросил Двухцветный Питон, Скалистый Змей. – Нашёл о чём спрашивать!

– Извините, пожалуйста! – продолжал Слонёнок. – Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слонёнку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

– Вот чудеса! – сказал Слонёнок. – Мало того что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядя колотил меня, и моя тётка колотила меня, и другой мой дядя, Павлиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное моё любопытство, – здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попрощался с Двухцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему опять обмотаться вокруг скалы и пошёл себе дальше; его порядком потрепали, но он не очень удивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю – потому что, повторяю, чем

бы он стал поднимать их? – и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутнозелёной реки Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это было не бревно, это был Крокодил. И подмигнул Крокодил одним глазом – вот так!

– Извините, пожалуйста! – обратился к нему Слонёнок чрезвычайно учтиво. – Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что ему не хотелось получить нового тумака.

– Подойди-ка сюда, моя крошка! – сказал Крокодил. – Тебе, собственно, зачем это надобно?

– Извините, пожалуйста! – сказал Слонёнок чрезвы-

чайно учтиво. – Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядя Жираф колотил меня, моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядя, мохнатый Павиан, колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей, вот только что колотил меня больно-пребольно, и теперь – не во гнев будь вам сказано – я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

– Подойди сюда, моя крошка, – сказал Крокодил, – потому что я и есть Крокодил.

И он стал проливать крокодиловы слёзы, чтобы показать, что он и вправду Крокодил.

Слонёнок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

– Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, скорее, что кушаете вы за обедом?

– Подойди поближе, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был ничуть не больше башмака.

– Мне кажется, – сказал Крокодил, и сказал сквозь зубы, вот так, – мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет Слонёнок.

Слонёнку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

– Пусдиде беда, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, приблизился к нему и сказал:

– Если ты, о мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать «раз, два, три!», как

вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадешь туда, в ту прозрачную водяную струю...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слонёнок сел на задние ножки и стал тянуть. Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил её, как сбитые сливки, тяжёлыми ударами хвоста, и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него всё вытягивался. А Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался нос у Слонёнка, и больно было этому носу уж- ж-жас-но! И вдруг Слонёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

– Довольдо! Осадьде! Я больше де богу!

Услышав это, Двуцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задних ног Слонёнка и сказал:

– О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны поднатужиться сколько возможно, ибо впечатление моё таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палубой (так величал он Крокодила) хочет загубить твоё будущее...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слононок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слононок и Двуцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить нос Слононка, и Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слононок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двуцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, а потом принялся ухаживать за своим вытянутым носом: обернул его холодноватыми листьями бананов и опустил в воду сонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

– К чему ты это делаешь? – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

– Извините, пожалуйста! – сказал Слононок. – Нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

– Долго же тебе придётся ждать, – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. – То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слононок просидел над водою три дня и всё поджидал, не станет ли нос у него короче. Однако нос не становился короче, и – мало того – из-за этого носа глаза у Слононка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слононку нос в самый заправдашний хобот – точь-в-точь такой, какие имеются у всех нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слононка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот и прихлопнул муху.

– Вот тебе и первая выгода! – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. – Ну, рассуди сам: мог бы ты сде-

лать что-нибудь такое своим прежним булавочным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле, сорвал добрый пучок травы, хлопнул им о передние ноги, чтобы стряхнуть с него пыль, и тотчас же сунул себе в рот.

– Вот тебе и вторая выгода! – сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. – Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

– Пожалуй, что и так! – сказал Слонёнок.

И, сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову; мокрый ил расквасился в лепёшку, и за уши Слонёнку потекли целые потоки воды.

– Вот тебе третья выгода! – сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. – Попробовал бы ты проделать это со своим прежним булавочным носом! И, кстати, что ты теперь думаешь насчёт тумачков?

– Извините, пожалуйста, – сказал Слонёнок, – но я, право, не люблю тумачков.

– А вздуть кого-нибудь другого? – сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

– Это я с радостью! – сказал Слонёнок.

– Ты ещё не знаешь своего носа! – сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. – Это просто клад, а не нос. Вздует кого угодно.

– Благодарю вас, – сказал Слонёнок, – я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я пойду к милым родичам и проверю мой нос.

И пошёл Слонёнок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом.

Захочется ему фруктов – он срывает их прямо с дерева, а не стоит и не ждёт, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки – он рвёт её прямо с земли, а

не бухается на колени, как бывало. Мухи докучают ему – он сорвёт с дерева ветку и машет ею, как веером. Припекает солнце – он опустит свой хобот в реку, и вот на голове у него холодная, мокрая нащёлка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке – он играет хоботом песни, и хобот у него куда звончее сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать толстуху Бегемотиху (она даже не была его родственницей), хорошенько отколотить её и проверить, правду ли сказал ему Двухцветный Питон, Скалистый Змей, про его новый нос. Поколотив Бегемотиху, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо, – потому что он был Чистоплотным Толстокожим.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришёл домой к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

– Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

– Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумачков за несносное твоё любопытство!

– Эх, вы! – сказал Слононок. – Много смыслите вы в тумачках! Вот я в этом деле кое-что понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

– Клянёмся бананами! – закричали они. – Где это ты так наострился и что у тебя с носом?

– Этот нос у меня новый, и дал мне его Крокодил на сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, – сказал Слононок. – Я завёл с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

– Безобразный нос! – сказал волосатый, мохнатый дядя Павиан.

– Пожалуй, – сказал Слононок. – Но полезный!

И он схватил волосатого дядю Павиана за волосатую ногу и, раскачав, закинул в осиное гнездо.

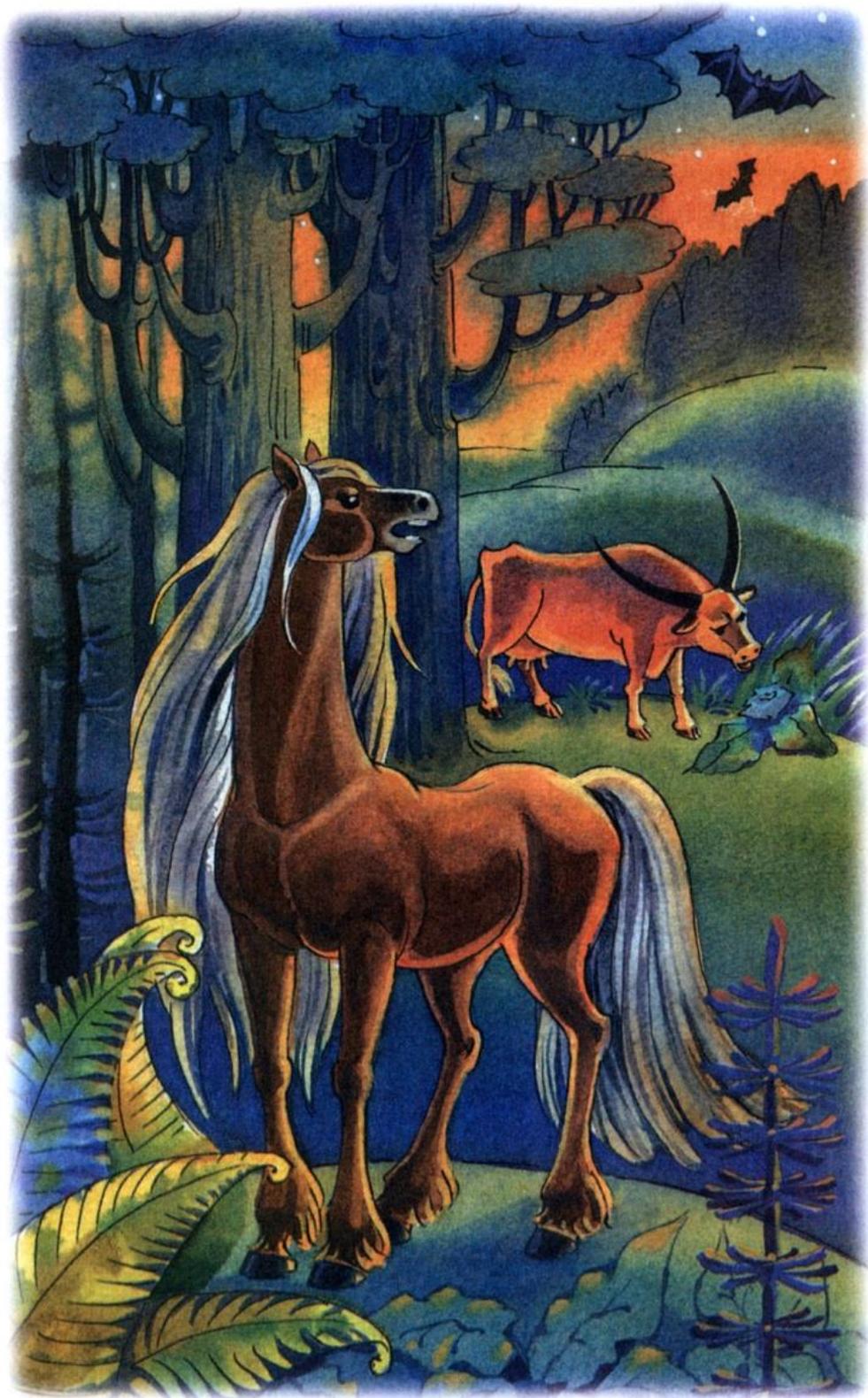

И так разошёлся этот сердитый Слонёнок, что отколо-тил всех до одного своих милых родных. Бил он их, бил, так что им жарко стало, и они посмотрели на него с изум-лением. Он выдернул из хвоста у долговязой тётки Стра-усихи чуть не все её перья; он ухватил длинноногого дядю Жирафа за заднюю ногу и поволок его по колючим терно-вым кустам; он разбудил громким криком свою толстую тётку Бегемотиху, когда она спала после обеда, и стал пускать ей прямо в ухо пузыри, но никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что все его родичи – кто раньше, кто позже – отправились к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняю-щими на всех лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу.

Вернувшись, никто уже больше не давал тумачов ни-кому, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех совершенно такой самый хобот, как у этого любопытного Слонёнка.

КОШКА, ГУЛЯВШАЯ САМА ПО СЕБЕ

Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумей, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было ещё в ту далёкую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая – и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка – она бродила где вздумается и гуляла сама по себе.

Человек, конечно, был тоже дикий, страшно дикий, ужасно дикий. И никогда бы ему не сделаться ручным, если бы не Женщина.

Это она объявила ему – при первой же встрече, – что ей не нравится его дикая жизнь. Она живо сыскала ему для жилья уютную, сухую Пещеру, потому что спать в Пещере было куда лучше, чем валяться под открытым небом на

куче сырой листвы. Она посыпала пол чистым песочком и развела в глубине Пещеры отличный костёр.

Потом она повесила у входа в Пещеру шкуру Дикой Лошади хвостом вниз и сказала Мужчине:

– Вытирай, милый, ноги, перед тем как войти: ведь теперь у нас хозяйство.

В этот вечер, мой милый мальчик, они ужинали дикой овцой, зажаренной на раскалённых камнях, приправленной диким чесноком и диким перцем. Потом они съели дикую утку, начинённую диким рисом, дикими яблоками и дикой гвоздикой; потом хрящики диких быков; потом дикие вишни и дикие гранаты. Потом Мужчина, очень счастливый, пошёл и заснул у огня, а Женщина села колдовать: она распустила волосы, взяла плечевую баранью кость, очень плоскую и очень гладкую, и стала пристально всматриваться в проходящие по кости разводы. Потом она подбросила поленьев в огонь и затянула песню. Это было Первое в мире Колдовство, Первая Волшебная Песня.

И собрались в Мокром и Диком Лесу все Дикие Звери; сбились в одно стадо и, глядя на свет огня, не знали, что это такое.

Но вот топнул дикой ногой Дикий Конь и дико сказал:

– О Друзья мои! О мои Недруги! Чует сердце моё: не к добру засветили Мужчина и Женщина в большой Пещере большой огонь. Нет, это не к добру!

Дикий Пёс задрал дикий нос, понюхал, как пахнет баранье жаркое, и дико сказал:

– Пойду погляжу, а потом расскажу. Мне кажется, что там не так уж плохо. Кошка, пойдём со мною!

– Ну нет, – отвечала Кошка. – Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

– Ну, тогда я тебе не товарищ, – сказал Дикий Пёс и побежал к Пещере во весь дух. Но не пробежал и десяти шагов, а Кошка уже подумала: «Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе. Почему бы мне не пойти ту-

да и не посмотреть, как и что? Ведь я пойду по своей собственной воле». И она тихонько побежала за Псом, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда ей было слышно решительно всё.

Когда Дикий Пёс подошёл к Пещере, он диким носом приподнял лошадиную шкуру и стал упиваться прекрасным запахом бараньего жаркого, а Женщина, колдовавшая костью, услышала шорох и сказала смеясь:

– Вот, уже пришёл первый. Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

И отвечал Дикий Пёс:

– Скажи мне, о Враг мой, Жена Врага моего, что это пахнет так нежно среди этих Диких Лесов?

И нагнулась Женщина, и подняла с полу кость, и бросила Дикому Псу, и сказала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, отведай, погрызи эту кость.

Взял Дикий Пёс эту кость в свои дикие зубы, и она

оказалась вкуснее всего, что он грыз до той поры, и он обратился к Женщине с такими словами:

– Послушай, о Враг мой, Жена моего Врага, брось мне скорее другую такую же кость.

И отвечала ему Женщина:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, поди помоги моему Мужчине ходить за добычей, стеречь эту Пещеру по ночам, и я дам тебе столько костей, сколько тебе будет нужно.

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – это очень умная Женщина, хотя, конечно, не умнее меня.

Дикий Пёс забрался в пещеру, положил голову Женщине на колени и сказал:

– О мой Друг, Жена моего Друга, хорошо. Я готов помогать твоему Мужчине охотиться, я буду стеречь по ночам вашу Пещеру.

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – что за глупец этот Пёс!

И она пошла прочь, пробираясь по Дикому Лесу и дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что видела, никому не сказала ни слова.

Проснувшись, Мужчина спросил:

– Что здесь делает Дикий Пёс?

И ответила Женщина:

– Его имя уже не Дикий Пёс, а Первый Друг, и он будет нам другом на веки веков. Как пойдёшь на охоту, возьми и его с собой.

На следующий вечер Женщина нарезала на заливных лугах большую охапку травы и разложила её сушиться у огня, и, когда пошёл от травы такой запах, как от свежескошенного сена, она села у входа в Пещеру, сделала из лошадиной кожи уздечку и, уставившись на плечевую баранью кость – на широкую, большую лопатку, – снова принялась колдовать и запела волшебную песню. То было Второе Колдовство и Вторая Волшебная Песня.

И снова в Диком Лесу собрались все Дикие Звери и, глядя издали на огонь, толковали, что такое могло приключиться с Диким Псом. И вот Дикий Конь дико топнул дикой ногой и сказал:

– Пойду погляжу, а потом расскажу, почему Дикий Пёс не вернулся. Кошка, хочешь, отправимся вместе?

– Нет, – отвечала Кошка, – я, Кошка, брожу где вздумается и гуляю сама по себе. Иди один.

Но на самом деле она тихонько прокралась за Диким Конём, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда было слышно решительно всё.

Услыхала Женщина конский топ, услышала, как пробирается к ней Дикий Конь, наступая на свою длинную гриву, засмеялась и сказала:

– А вот и второй идёт! Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

Дикий Конь отвечал:

– Ты, мой Враг, Жена моего Врага, отвечай мне скорее, где Дикий Пёс?

Женщина засмеялась, подняла с полу баранью лопатку, поглядела на неё и сказала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, не за Псом ты пришёл сюда, а за сеном, за этой вкусной травой.

Дикий Конь, перебирая ногами и наступая на свою длинную гриву, сказал:

– Это правда. Дай-ка мне сена!

Женщина отвечала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, склони свою дикую голову и носи, что я надену на тебя, – носи, не снимая во веки веков, и трижды в день ты будешь есть эту дивную траву.

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – эта Женщина очень умна, но, конечно, не умнее меня.

И нагнул Дикий Конь свою дикую голову, и Женщина накинула на неё только что сплетённую уздечку, идохнул он своим диким дыханием прямо на ноги Женщине и сказал:

– О моя Госпожа, о Жена моего Господина, за чудесную эту траву я буду тебе вечным рабом!

– Ах, сказала Кошка, слушая их разговор, – какой он глупец, этот Конь!

И снова она бросилась в чащу Дикого Леса, дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что слышала, никому не сказала ни слова.

Когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты, Мужчина сказал:

– А что здесь делает Дикий Конь?

И Женщина отвечала:

– Не Дикий Конь уже имя его, но Первый Слуга, так как с места на место он будет возить нас во веки веков. Когда ты соберёшься на охоту, садись на него верхом.

На следующий день подошла к Пещере Корова. Она тоже была дикая и должна была высоко задирать свою дикую голову, чтобы не зацепиться дикими рогами за дикие деревья. Кошка прокралась вслед за ней и спряталась точно так же, как и раньше; и всё случилось точно так же, как раньше; и Кошка сказала то же, что раньше; и когда Дикая Корова в обмен на прекрасную траву обещала Женщине своё молоко, Кошка бросилась в Дикий Лес и дико замачала диким хвостом, опять-таки точно так же, как раньше.

И обо всём, что слыхала, никому не сказала ни слова.

А когда Пёс, Человек и Конь вернулись с охоты и Человек спросил точно так же, как раньше, что делает здесь Дикая Корова, Женщина отвечала точно так же, как раньше:

– Теперь не Дикая Корова ей имя, но Подательница Хорошей Еды. Она будет давать нам белое парное молоко во веки веков, и я готова ходить за ней, пока ты, да наш Первый Друг, да наш Первый Слуга будете в лесу на охоте.

Напрасно Кошка прождала весь день, чтобы ещё кто-нибудь из Диких Зверей пришёл к Пещере: больше никто не приходил из Мокрого Дикого Леса. Так что Кошке поневоле пришлось блуждать одиноко, самой по себе. И вот увидела она Женщину, которая сидела и доила Корову. И увидела она в Пещере свет и почуяла запах белого парного молока. И сказала она Женщине:

– Ты, мой Враг, Жена моего Врага! Скажи: не видела ли ты Коровы?

Женщина засмеялась и сказала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, ступай себе в Лес подобру-поздорову! Мне больше не надо ни слуг, ни друзей. Я уже заплела мою косу и спрятала волшебную кость.

И ответила Дикая Кошка:

– Я не друг и не слуга. Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе, и вот мне вздумалось прийти к тебе в Пещеру.

И спросила её Женщина:

– Почему в первый же вечер ты не пришла с Первым Другом?

Кошка рассердилась и сказала:

– Должно быть, Дикий Пёс уже наговорил тебе про меня небылиц!

Женщина засмеялась и сказала:

– Ты, Кошка, гуляешь сама по себе и ходишь где тебе вздумается. Ты сама говоришь, что ты не слуга и не друг. Иди же отсюда сама по себе куда вздумается!

Кошка притворилась обиженной и сказала:

– Неужели мне иной раз нельзя прийти к тебе в Пещеру и погреться у горячего огня? И неужели ты никогда не дашь мне полакомиться белым парным молоком? Ты такая умница, ты такая красавица, – нет, хоть я и Кошка, а ты не будешь жестока со мной.

Женщина сказала:

– Я знаю, что я умница, но что я красавица – не знала. Давай заключим договор. Если я хоть раз похвалю тебя, ты можешь войти в Пещеру.

– А если ты дважды похвалишь меня? – спросила Кошка.

– Ну, этому не бывать, – сказала Женщина. – Но если это случится, входи и садись у огня.

– А что, если ты трижды похвалишь меня? – спросила Кошка.

– Ну, этому не бывать, – сказала Женщина. – Но если это случится, приходи и получай молоко три раза в день до скончания века!

Кошка выгнула спину и сказала:

– Ты, Занавеска у входа в Пещеру, и ты, Огонь в глубине Пещеры, и вы, Молочные Крынки, стоящие у Огня, вас я беру в свидетели: запомните, что сказал мой Враг, Жена моего Врага!

И, повернувшись, ушла в Дикий Лес, дико помахивая диким хвостом.

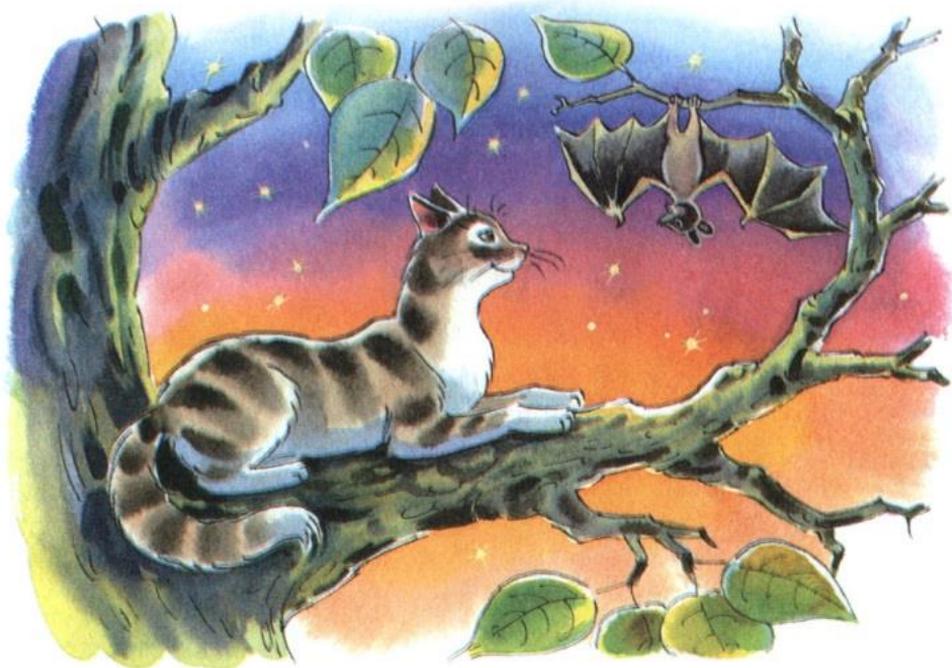
Когда в тот вечер Пёс, Мужчина и Конь возвратились с охоты в Пещеру, Женщина ни слова не сказала им о своём договоре с Кошкой, так как боялась, что это им не понравится.

Кошка ушла далеко-далеко и так долго скрывалась в Диком Лесу, что женщина забыла и думать о ней. Только Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру, знала, где скрывается Кошка, и каждый вечер подлетала к тому месту и сообщала Кошке все новости.

Как-то вечером прилетает она к Кошке и говорит:
– А в Пещере – Младенчик! Он совсем, совсем маленький. Такой розовый, толстый и крошечный. И он очень нравится Женщине.

– Отлично, – сказала Кошка. – А что же нравится Младенчику?

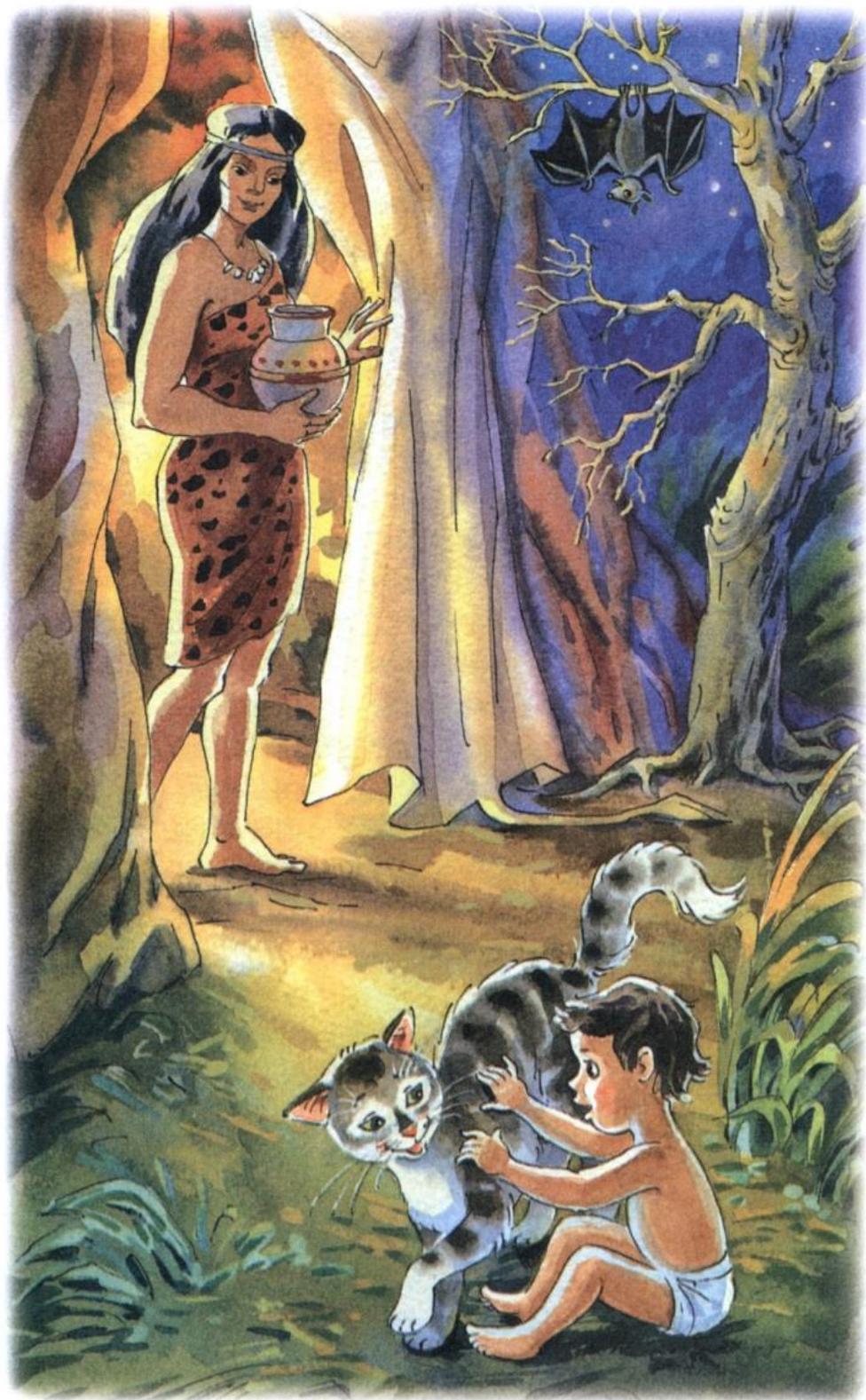
– Мягкое и гладкое, – ответила Летучая Мышь. – Как идти спать, он берёт в ручонки что-нибудь тёплое и засыпает. Потом ему нравится, чтобы с ним играли. Вот и всё, что ему нравится.

– Отлично, – сказала Кошка. – Если так, то мой час настал.

На следующий вечер Кошка пробралась к Пещере по Дикому Лесу и просидела невдалеке до самого утра. Утром Пёс, Человек и Конь ушли на охоту, а Женщина занялась стряпнёй. Ребёнок плакал и отрывал её от работы. Она вынесла его из Пещеры и дала ему камешков поиграть, но он не унимался.

Тогда Кошка протянула пухлую лапу и погладила Ребёнка по щеке, и замурлыкала, и пошла тереться о его ко-

ленку, и хвостом защекотала ему подбородок. Ребёнок засмеялся, и Женщина, слыша его смех, улыбнулась.

Тогда воскликнула Летучая Мышь – маленькая Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру:

– О Хозяйка моя, Жена моего Хозяина, Мать Хозяинского Сына! Из Дикого Леса пришла Дикая Тварь, и как славно она играет с твоим Ребёнком.

– Спасибо Дикой Твари, – сказала Женщина, разгибая спину. – У меня так много работы, а она оказала мне большую услугу.

И вот, милый мальчик, не успела она вымолвить это, как в ту же минуту и в ту же секунду – бух, бух! – падает лошадиная шкура, висевшая хвостом книзу у входа в Пещеру (это она вспомнила, что у Женщины с Кошкой был договор), и не успела Женщина поднять её, а Кошка уже сидит в Пещере, уселась поудобнее и сидит.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – посмотри: я здесь. Ты похвалила меня – и вот я здесь и буду сидеть в Пещере во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, но прикусила язык и села за прялку прясть.

Но Ребёнок заплакал опять, потому что Кошка ушла от него; и Женщина не могла его унять: он бился, брыкался и весь посинел от крика.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – послушай, что я тебе скажу: возьми оторви кусочек нитки от той, которую ты прядёшь, привяжи к ней своё веретёнце, и я так наколдую тебе, что Ребёнок сию же минуту засмеётся и будет смеяться так же громко, как плачет теперь.

– Ладно, – сказала Женщина. – Я уже совсем потеряла голову. Но помни: благодарить тебя я не стану.

Она привязала к нитке глиняное веретёнце и потянула

его по полу, и Кошка побежала за ним, и хватала его, и кувыркалась, и швыряла его к себе на спину, и ловила его задними лапами, и нарочно отпускала его, а потом кидалась вдогонку, – и вот Ребёнок засмеялся ещё громче, чем плакал; он ползал за Кошкой по всей Пещере и резвился, пока не устал. Тогда он задремал вместе с Кошкой, не выпуская её из рук.

– А теперь, – сказала Кошка, – я спою ему песню, убаюкаю его на часок.

И как пошла она мурлыкать то громче, то тише, то тише, то громче, – ребёнок и заснул крепким сном.

Женщина поглядела на них и с улыбкой сказала:

– Это была неплохая работа! Что бы там ни было, всё же ты умница, Кошка.

Не успела она договорить – пффф! – дым от Огня тучами закрутился в Пещере: это он вспомнил, что у Женщины с Кошкой был договор. И когда дым рассеялся, глядь, Кошка сидит у огня, уселась поудобнее и сидит.

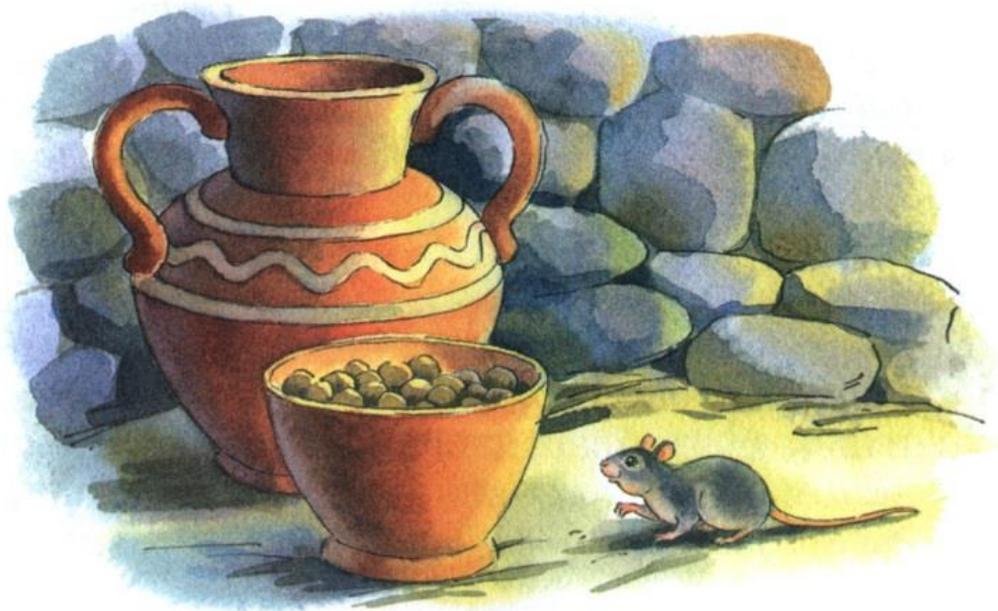
– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – посмотри: я здесь. Ты снова похвалила меня, и вот я здесь, у тёплого очага, и отсюда я не уйду во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, распустила волосы, подбросила дров в огонь, достала баранью кость и пошла опять колдовать, чтобы как-нибудь ненароком в третий раз не похвалить эту Кошку.

Но, милый мальчик, она колдовала без звука, без песни, – и вот в Пещере стало так тихо, что какая-то Крошка-Мышка выскочила из угла и тихонько забегала по полу.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – это ты вызвала Мышку своим колдовством?

– Ай-ай-ай! Нет! – закричала Женщина, выронила кость, вскочила на скамеечку, стоявшую у огня, и поско-

рее подобрала свои волосы, чтобы Мышка не взбежала по ним.

– Ну, если ты не заколдовала её, – сказала Кошка, – мне будет не вредно её съесть.

– Конечно, конечно! – сказала Женщина, заплетая косу. – Съешь её поскорее, и я век буду благодарна тебе.

В один прыжок поймала Кошка Мышку, и Женщина воскликнула от души:

– Спасибо тебе тысячу раз! Сам Первый Друг ловит Мышей не так быстро, как ты. Ты, должно быть, большая умница.

Не успела она договорить, как – трах! – в ту же самую минуту и в ту же самую секунду треснула Крынка с молоком, стоявшая у очага, – треснула пополам, потому что вспомнила, какой договор был у Женщины с Кошкой. И не успела Женщина сойти со скамеечки, глядь, а Кошка уже лакает из одного черепка этой Крынки белое парное молоко.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – посмотри: я здесь. В третий раз похвалила ты меня: давай же мне трижды в день побольше

белого парного молока – во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

И засмеялась Женщина и, поставив миску белого парного молока, сказала:

– О Кошка! Ты разумна, как человек, но помни: договор наш был заключён, когда не было дома ни Пса, ни Мужчины; не знаю, что скажут они, как вернуться домой.

– Какое мне до этого дело! – сказала Кошка. – Мне бы только местечко в Пещере и три раза в день побольше белого парного молока, и я буду очень довольна. Никакие Псы, никакие Мужчины меня не касаются.

В тот же вечер, когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты в Пещеру, Женщина рассказала им всё как есть о своём договоре с Кошкой, а Кошка сидела у огня и очень приятно улыбалась.

И сказал Мужчина:

– Всё это хорошо, но не худо бы ей и со мной заклю-

чить договор. Через меня она заключит его со всеми Мужчинами, которые будут после меня.

Он взял пару сапог, взял кремнёвый топор (итого три предмета), принёс со двора полено и маленькую секиру (итого пять), поставил всё это в ряд и сказал:

– Давай и мы заключим договор. Ты живёшь в Пещере во веки веков, но если ты забудешь ловить Мышей – посмотри-ка на эти предметы: их пять, и я имею право любой из них швырнуть в тебя, и так же вслед за мною будут поступать все Мужчины.

Женщина услышала это и молвила про себя:

– Да, Кошка умна, а Мужчина умнее.

Кошка сосчитала все вещи – они были довольно тяжёлые – и сказала:

– Ладно! Я буду ловить Мышей во веки веков, но всё же я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

– Гуляй, гуляй, – отозвался Мужчина, – да только не там, где я. Попадёшься мне на глаза, я сейчас же швырну в тебя либо сапогом, либо поленом, и так станут поступать все Мужчины, которые будут после меня.

Тогда выступил Пёс и сказал:

– Погоди. Теперь мой черёд заключать договор. А через меня договор будет заключён и со всеми другими Псами, которые будут жить после меня. – Он оскалил зубы и показал их Кошке. – Если, пока я в Пещере, ты будешь неласкова с Ребёнком, – продолжал он, – я буду гоняться за тобою, пока не поймаю тебя, а когда я поймаю тебя, я искусаю тебя. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня во веки веков.

Услышала это Женщина и молвила про себя:

– Да, эта Кошка умна, но не умнее Собаки.

Кошка сосчитала собачьи зубы, и они показались ей очень острыми. Она сказала:

– Хорошо, пока я в Пещере, я буду ласкова с Ребёнком, если только Ребёнок не станет слишком больно таскать

меня за хвост. Но не забудьте: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

– Гуляй, гуляй, – отозвался Пёс, – да только не там, где я. А не то, чуть встречу тебя, я сейчас же залаю, налечу на тебя и загоню тебя вверх на дерево. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня.

И тотчас же, не теряя ни минуты, кинул Мужчина в Кошку двумя сапогами да кремнёвым топориком, и Кошка бросилась вон из Пещеры, а Пёс погнался за ней и загнал её вверх на дерево, – и с того самого дня, мой мальчик, и поныне трое Мужчин из пяти – если они настоящие Мужчины – швыряют разными предметами в Кошку, где бы она ни попалась им на глаза, и все Псы – если они настоящие Псы, – все до одного, загоняют её вверх на дерево. Но и Кошка верна своему договору. Пока она в доме, она ловит мышей и ласкова с детьми, если только дети не слишком больно таскают её за хвост. Но чуть улучит минуту, чуть настанет ночь и взойдёт луна, сейчас же она говорит: «Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе», и бежит в чащу Дикого Леса, или влезает на мокрые Дикие Деревья, или взбирается на мокрые Дикие Крыши и дико машет своим диким хвостом.

РИККИ-ТИККИ-ТАВИ

Это рассказ о великой войне, которую вёл в одиночку Рикки-Тикки-Тави в ванной большого дома в посёлке Сигаули.

Дарзи, птица-портной, помогала ему, и Чучундра, мускусная крыса¹ – та, что никогда не выбежит на середину комнаты, а всё крадётся у самой стены, – давала ему советы. Но по-настоящему воевал он один.

Рикки-Тикки-Тави был мангуст². И хвост и мех были у него как у маленькой кошки, а голова и все повадки – как у ласочки. Глаза у него были розовые, и кончик его беспокойного носа тоже был розовый. Рикки мог почесаться где вздумается, всё равно какой лапкой: передней ли, задней ли. И так умел он распушить свой хвост, что хвост делался похожим на круглую длинную щётку. И его боевой клич, когда он мчался в высоких травах, был рикки-тикки-тикки-тикки-чк!

¹ Мускусная крыса (ондатра) – водится главным образом в Северной Америке.

² Мангусты – порода крыс, распространённая в Индии.

Он жил с отцом и матерью в узкой ложбине. Но однажды летом произошло наводнение, и вода понесла его вдоль придорожного рва. Он брыкался и барахтался как мог. Наконец ему удалось ухватиться за плывущий пучок травы, и так он держался, пока не лишился сознания. Очнулся он на горячем припёке в саду, посередине дорожки, истерзанный и грязный, а какой-то мальчик в это время сказал:

– Мёртвый мангуст! Давай устроим похороны!

– Нет, – сказала мальчику мать, – возьмём-ка его и обсушим. Может быть, он ещё живой.

Они внесли его в дом, и какой-то большой человек взял его двумя пальцами и сказал, что он вовсе не мёртвый, а только захлебнулся в воде. Тогда его завернули в вату и стали обогрывать у огня. Он открыл глаза и чихнул.

– А теперь, – сказал Большой Человек, – не пугайте его, и мы поглядим, что он станет делать.

Нет на свете ничего труднее, как испугать мангуста, потому что он от носа до хвоста весь горит любопытством. «Беги Разузнай и Разнюхай» – начертано на семейном гербе у мангустов, а Рикки-Тикки был чистокровный мангуст. Он всмотрелся в вату, сообразил, что она не годна для еды, обежал кругом стола, сел на задние лапки, привёл свою шёрстку в порядок, а потом вскочил мальчику на плечо.

– Не бойся, Тедди, – сказал Большой Человек. – Это он хочет с тобой подружиться.

– Ай, он щекочет мне шею! – вскрикнул Тедди.

Рикки-Тикки заглянул ему за воротник, понюхал ухо и, спустившись на пол, начал тереть себе нос.

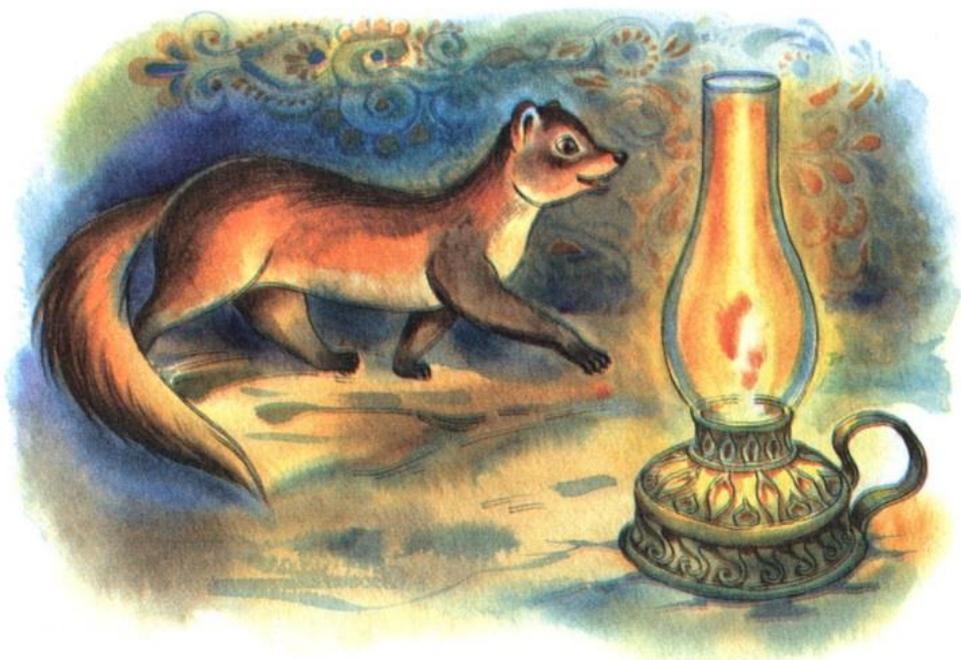
– Вот чудеса! – сказала Теддина мать. – И это называется дикий зверёк! Верно, он оттого такой ручной, что мы были добры к нему.

– Мангусты все такие, – сказал её муж. – Если Тедди не станет поднимать его с полу за хвост и не вздумает сажать

его в клетку, он поселится у нас и будет бегать по всему дому... Дадим ему чего-нибудь поесть.

Ему дали маленький кусочек сырого мяса. Мясо ему страшно понравилось. После завтрака он сейчас же побежал на веранду, присел на солнышке и распушил свою шёрстку, чтобы высушить её до самых корней. И тотчас же ему стало лучше.

«В этом доме есть немало такого, что я должен разведать как можно скорее. Моим родителям за всю свою жизнь не случилось разведать столько. Останусь тут и разведую всё как есть».

Весь этот день он только и делал, что рыскал по всему дому. Он чуть не утонул в ванне, он сунулся носом в чернила и тотчас же после этого обжёг себе нос о сигару, которую курил Большой Человек, потому что взобрался к Большому Человеку на колени посмотреть, как пишут пером на бумаге. Вечером он прибежал в Теддину спальню, чтобы проследить, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улёгся в постель, Рикки-Тикки прикорнул возле него, но оказался беспокойным соседом, потому что

при всяком шорохе вскакивал и настораживался и бежал разузнавать, в чём дело. Отец с матерью зашли перед сном проведать своего спящего сына и увидели, что Рикки-Тикки не спит, а сидит у него на подушке.

– Не нравится мне это, – сказала Теддина мать. – Что, если он укусит ребёнка?..

– Не бойся, – сказал отец. – Эта зверюшка защитит его лучше всякой собаки. Если, например, вползёт змея...

Но Теддина мать и думать не хотела о таких ужасах.

К утреннему завтраку Рикки-Тикки въехал на веранду верхом на Теддином плече. Ему дали банан и кусочек яйца. Он перебивал на коленях у всех, потому что хороший мангуст никогда не теряет надежды сделаться домашним мангустом. Каждый из них с детства мечтает о том, что он будет жить в человеческом доме и бегать из комнаты в комнату.

После завтрака Рикки-Тикки выбежал в сад – поглядеть, нет ли там чего замечательного. Сад был большой, лишь наполовину расчищенный. Розы росли в нём огром-

ные – каждый куст как беседка, – и бамбуковые рощи, и апельсиновые деревья, и лимонные, и густые заросли высокой травы. Рикки-Тикки даже облизнулся.

– Неплохое место для охоты! – сказал он.

И чуть только подумал об охоте, хвост у него раздулся, как круглая щётка. Он быстро обежал всю окрестность, нюхнул здесь, нюхнул там, и вдруг до него донеслись из терновника чьи-то печальные голоса.

Там, в терновнике, жили Дарзи, птица-портной, и его жена. У них было красивое гнездо: они сшили его из двух большущих листьев тонкими волокнистыми прутиками и набили мягким пухом и хлопком. Гнездо качалось во все стороны, а они сидели на краю и громко плакали.

– Что случилось? – спросил Рикки-Тикки.

– Большое несчастье! – ответил Дарзи. – Один из наших птенчиков вывалился вчера из гнезда, и Наг проглотил его.

– Гм, – сказал Рикки-Тикки, – это очень печально... Но я тут недавно... Я нездешний... Кто такой Наг?

Дарзи и его жена юркнули в гнездо и ничего не ответили, потому что из густой травы, из-под куста послышалось негромкое шипенье – страшный, холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить назад на целых два фута. Потом из травы всё выше и выше, вершок за вершком, стала подниматься голова Нага, огромной чёрной кобры³, – и был этот Наг пяти футов длины от головы до хвоста.

Когда треть его туловища поднялась над землёй, он остановился и начал качаться, как одуванчик под ветром, и глянул на Рикки-Тикки своими злыми змеиными глазками, которые остаются всегда одинаковые, о чём бы ни думал Наг.

– Ты спрашиваешь, кто такой Наг? Смотри на меня и дрожи! Потому что Наг – это я...

³ Кобра – ядовитая очковая змея. Сзади, чуть ниже головы, у неё узор, похожий на очки. Когда она сердита, она раздувает шею так, что получается подобие капюшона.

И он раздул свой капюшон, и Рикки-Тикки увидел на капюшоне очковую метку, точь-в-точь как петля от стального крючка.

Рикки стало страшно – на минуту. Дольше одной минуты мангусты вообще никого не боятся, и хотя Рикки-Тикки никогда не видел живой кобры, так как мать кормила его мёртвыми, он хорошо понимал, что мангусты для того и существуют на свете, чтобы сражаться со змеями, побеждать их и есть. Это было известно и Нагу, и потому в глубине его холодного сердца был страх.

– Ну так что! – сказал Рикки-Тикки, и хвост у него стал раздуваться опять. – Ты думаешь, если у тебя узор на спине, так ты имеешь право глотать птенчиков, которые выпадут из гнезда?

Наг думал в это время о другом и зорко вглядывался, не шевелится ли трава за спиной у Рикки. Он знал, что, если в саду появились мангусты, значит, и ему и всему змеиному роду скоро придёт конец. Но теперь ему было нужно усыпить внимание врага. Поэтому он чуть-чуть нагнул голову и, склонив её набок, сказал:

– Давай поговорим. Ведь птичьи яйца ты ешь, не правда ли? Почему бы мне не лакомиться птичками?

– Сзади! Сзади! Оглянись! – пел в это время Дарзи.

Но Рикки-Тикки хорошо понимал, что пялить глаза уже некогда. Он подпрыгнул как можно выше и внизу под собой увидел шипящую голову Нагайны, злой жены Нага. Она подкралась сзади, покуда Наг разговаривал с ним, и хотела прикончить его. Она оттого и шипела, что Рикки ускользнул от неё. Подпрыгнувший Рикки бухнулся к ней прямо на спину, и будь он постарше, он знал бы, что теперь самое время прокусить её спину зубами: один укус – и готово! Но он боялся, как бы она не хлестнула его своим страшным хвостом. Впрочем, он куснул её, но не так сильно, как следовало, и тотчас же отскочил от извивов хвоста, оставив змею разъярённой и раненой.

– Гадкий, гадкий Дарзи! – сказал Наг и вытянулся вверх сколько мог, чтобы достать до гнезда, висевшего на терновом кусте.

Но Дарзи нарочно построил своё гнездо так высоко, чтобы змеи не достали до него, и гнездо только качнулось на ветке.

Рикки-Тикки чувствовал, что глаза у него становятся всё краснее и жарче, а когда глаза у мангуста краснеют, это значит – он очень сердит. Он сел на хвост и на задние лапы, как маленький кенгурёнок, и, поглядев во все стороны, затараторил от ярости. Но воевать было не с кем: Наг и Нагайна юркнули в траву и исчезли. Когда змее случится промахнуться, она не говорит ни единого слова и не показывает, что она собирается делать. Рикки-Тикки даже не пытался преследовать врагов, так как не был уверен, может ли справиться с обоими сразу. Он побежал рысцой по направлению к дому, сел на песчаной тропинке и глубоко задумался. Да и было о чём.

Когда тебе случится читать старые книги о разных животных, ты прочтёшь, будто ужаленный змеёй мангуст тотчас же убегает прочь и съедает какую-то травку, которая будто бы лечит его от укуса. Это неверно. Победа мангуста над коброй – в быстроте его глаз и лап. У кобры – укус, у мангуста – прыжок. И так как никакому глазу не уследить за движением змеиной головы, когда она хочет ужалить, этот прыжок мангуста чудеснее всякой волшебной травы.

Рикки-Тикки хорошо понимал, что он ещё молодой и неопытный. Оттого ему было так радостно думать, что он изловчился увильнуть от нападения сзади. Он почувствовал большое уважение к себе, и, когда по садовой дорожке подбежал к нему Тедди, он был не прочь позволить мальчугану, чтобы тот погладил его. Но как раз в ту минуту, когда Тедди нагнулся над ним, что-то мелькнуло, извиваясь, в пыли, и тоненький голосок произнёс: «Берегись! Я –

Смерть!» Это была Карайт, пыльно-серая змейка, которая любит валяться в песке. Жало у неё такое же ядовитое, как у кобры, но оттого, что она маленькая, никто не замечает её, и таким образом она приносит людям ещё больше вреда.

Глаза у Рикки-Тикки опять стали красные, и он, приплясывая, подбежал к Карайт той особенной, неровной походкой враскачку, которую унаследовал от своих пра-родителей. Походка забавная, но очень удобная, потому что даёт вам возможность сделать прыжок под каким угодно углом. А когда имеешь дело со змеями, это важнее всего. Поединок с Карайт был ещё опаснее для Рикки, чем сражение с Нагом, потому что Карайт такая маленькая, такая юркая и ловкая змейка, что, если только Рикки не вопьётся в неё сзади зубами чуть пониже головы, Карайт непременно ужалит его либо в глаз, либо в губу.

Впрочем, Рикки этого не знал. Глаза у него совсем покраснели, он уже ни о чём не раздумывал, — он шёл и рас-

качивался взад и вперёд, выискивая, куда ему лучше вонзиться зубами. Карайт налетела на него. Рикки отскочил вбок и хотел было её укусить, но проклятая пыльно-серая головка очутилась у самого его затылка, и, чтобы сбросить её со спины, ему пришлось перекувырнуться в воздухе. Она не отставала и мчалась за ним по пятам.

Тедди повернулся к дому и крикнул:

– Идите посмотрите: наш мангуст убивает змею!

И Рикки-Тикки услышал, как взвизгнула Теддина мать. Отец мальчика выбежал с палкой, но как раз в это время Карайт сделала неудачный рывок – дальше, чем нужно, – и Рикки-Тикки вскочил на неё и впился зубами чуть пониже её головы, а потом откатился прочь. Карайт сразу перестала шевелиться, и Рикки-Тикки уже приготовился съесть её, начиная с хвоста (таков обеденный обычай у мангустов), когда он вспомнил, что мангусты от сытной еды тяжелеют и что, если он хочет сохранить свою ловкость и силу, он должен оставаться худым. Он отошёл прочь и стал кувыркаться в пыли под кустом клещевины, а Теддин отец набросился с палкой на мёртвую змею.

«К чему это? – думал Рикки. – Ведь я уже прикончил её».

И тут к Рикки-Тикки подбежала Теддина мать, подняла его прямо с пыли и стала крепко прижимать к себе, крича, что он спас её сына от смерти, а Тедди сделал большие глаза, и в его глазах был испуг. Суматоха понравилась Рикки, но из-за чего она произошла, он, конечно, не мог понять. За что они так ласкают его? Ведь для него драться со змеями то же самое, что для Тедди кувыряться в пыли, – одно удовольствие.

Когда сели обедать, Рикки-Тикки, гуляя по скатерти среди стаканов и рюмок, мог бы трижды набить себе брюхо самыми вкусными лакомствами, но он помнил о Наге и Нагайне, и хотя ему было очень приятно, что Теддина мать тискает и гладит его и что Тедди сажает его к себе на плечо, но глаза у него то и дело краснели, и он выпускал свой воинственный клич рикки-тикки-тикки-тикки-чк!

Тедди взял его к себе в постель. Мальчику непременно хотелось, чтобы Рикки спал у него под самым подбородком, на груди. Рикки был благовоспитанный мангуст и не мог ни укусить, ни оцарапать его, но, чуть только Тедди заснул, он спустился с постели и пошёл путешествовать по дому.

В потёмках он наткнулся на мускусную крысу Чучундру, которая кралась поближе к стене.

У Чучундры разбитое сердце. Она хнычет и ноет всю ночь и всё хочет набраться храбрости, чтобы выбежать на середину комнаты. Но храбрости у неё никогда не хватает.

– Не губи меня, Рикки-Тикки! – закричала она и чуть не заплакала.

– Кто убивает змею, станет ли возиться с какой-то мускусной крысой! – презрительно ответил Рикки-Тикки.

– Убивающий змею от змеи и погибнет! – ещё печальнее сказала Чучундра. – И кто знает, не убьёт ли меня Наг по ошибке? Он подумает, что я – это ты...

– Ну, этого он никогда не подумает! – сказал Рикки-Тикки. – К тому же он в саду, а ты там никогда не бываешь.

– Моя двоюродная сестра крыса Чуа говорила мне... – начала Чучундра и смолкла.

– Что же она говорила?

– Тс-с... Наг вездесущий – он всюду. Ты бы сам поговорил с моей сестрой в саду.

– Но я её не видел. Говори же! Да поскорее, Чучундра, а не то я тебя укушу.

Чучундра уселась на корточки и начала плакать.

Плакала она долго, слёзы текли у неё по усам.

– Я такая несчастная! – рыдала она. – У меня никогда не хватало духу выбежать на середину комнаты. Тс-с-с! Но разве ты не слышишь, Рикки-Тикки? Уж лучше мне не говорить ничего.

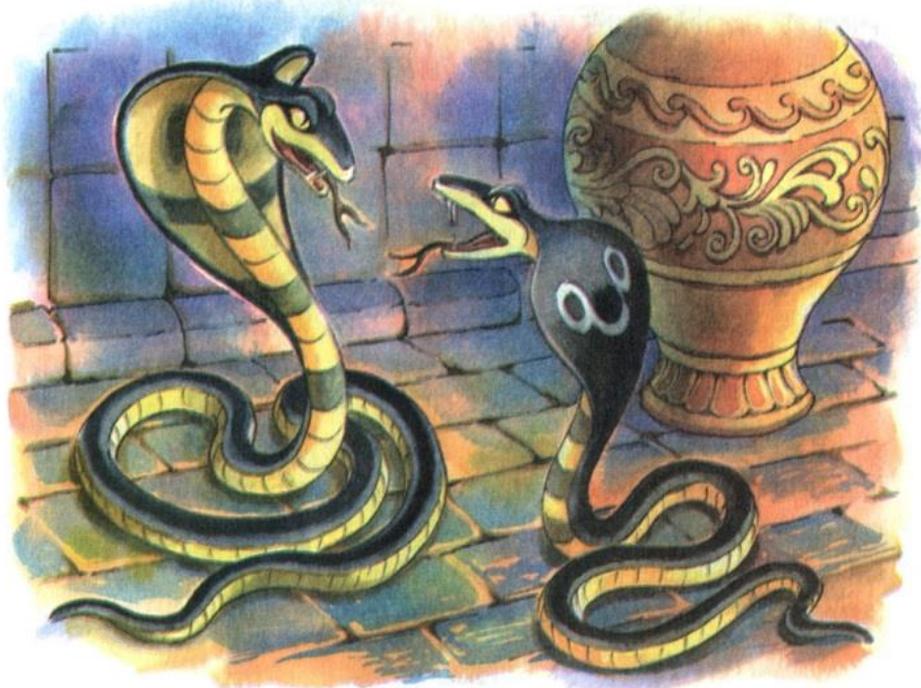
Рикки-Тикки прислушался. В доме была тишина, но

ему показалось, что до него еле-еле доносится тихое, еле слышное ш-ш-ш, как будто по стеклу прошла оса. Это шуршала змеиная чешуя на кирпичном полу.

«Или Наг, или Нагайна! – решил он. – Кто-то из них ползёт по водосточному жёлобу в ванную...»

– Верно, Чучундра. Жаль, что я не потолковал с твоей Чуа.

Он прокрался в Теддину умывальную комнату, но там не оказалось никого. Оттуда он пробрался в умывальную комнату Теддиной матери. Там в оштукатуренной гладкой стене у самого пола был вынут кирпич для водосточного жёлоба, и, когда Рикки пробирался по каменному краю того углубления, в которое вставлена ванна, он услышал, как за стеной в лунном сиянии шепчутся Наг и Нагайна.

– Если в доме не станет людей, – говорила Нагайна мужу, – он тоже уйдёт оттуда, и сад опять будет наш. Иди же, не волнуйся и помни, что первым ты должен ужалить Большого Человека, который убил Карайт. А потом возвращайся ко мне, и мы вдвоём прикончим Рикки-Тикки.

– Но будет ли нам хоть малейшая польза, если мы убьём их?

– Ещё бы! Огромная. Когда дом стоял пустой, разве тут водились мангусты? Покуда в доме никто не живёт, мы с тобою цари всего сада: ты царь, я царица. И не забудь, что, когда на дынной гряде вылупятся из яиц наши дети (а это может случиться и завтра), им будет нужен покой и уют.

– Об этом я и не подумал, – сказал Наг. – Хорошо, я иду. Но, кажется, нет никакого смысла вызывать на бой Рикки-Тикки. Я убью Большого Человека и его жену, а также, если мне удастся, его сына и уползу потихоньку. Тогда дом опустеет, и Рикки-Тикки сам уйдёт отсюда.

Рикки-Тикки весь дрожал от негодования и ярости.

В отверстие просунулась голова Нага, а за нею пять футов его холодного туловища. Рикки-Тикки хоть и был взбешён, но всё же пришёл в ужас, когда увидел, какая огромная эта кобра. Наг свернулся в кольцо, поднял голову и стал вглядываться в темноту ванной комнаты. Рикки-Тикки мог видеть, как мерцают его глаза.

«Если я убью его сейчас, – соображал Рикки-Тикки, – об этом немедленно узнает Нагайна. Драться же в открытом месте мне очень невыгодно: Наг может меня одолеть. Что мне делать?»

Наг раскачивался вправо и влево, а потом Рикки-Тикки услышал, как он пьёт воду из большого кувшина, который служил для наполнения ванны.

– Чудесно! – сказал Наг, утолив жажду. – У Большого Человека была палка, когда он выбежал, чтобы убить Карайт. Быть может, эта палка при нём и сейчас. Но когда нынче утром он придёт сюда умываться, он будет, конечно, без палки... Нагайна, ты слышишь меня? Я подожду его здесь в холодке до рассвета...

Нагу никто не ответил, и Рикки-Тикки понял, что Нагайна ушла. Наг обвился вокруг большого кувшина у самого пола и заснул. А Рикки-Тикки стоял тихо, как

смерть. Через час он начал подвигаться к кувшину – мускул за мускулом. Рикки всматривался в широкую спину Нага и думал, куда бы вонзиться зубами.

«Если я в первый же миг не перекушу ему шею, у него всё ещё хватит силы бороться со мной, а если он будет бороться – о Рикки!»

Он поглядел, какая толстая шея у Нага, – нет, ему с такой шеей не справиться. А укусить где-нибудь поближе к хвосту – только раззадорить врага.

«Остаётся голова! – решил он. – Голова над самым капюшоном. И уж если вцепиться в неё, так не выпускать ни за что».

Он сделал прыжок. Голова змеи лежала чуть-чуть на отлёте; прокусив её зубами, Рикки-Тикки мог упереться спиной в выступ глиняного кувшина и не дать голове подняться с земли. Таким образом он выигрывал только секунду, но этой секундой он отлично воспользовался. А потом его подхватило, и брякнуло оземь, и стало мотать во все стороны, как крысу мотает собака, и вверх и вниз, и большими кругами, но глаза у него были красные, и он не отстал от змеи, когда она молотила им по полу, расшвыривая в разные стороны жестяные ковшики, мыльницы, щётки, и била его о края металлической ванны.

Он сжимал челюсти всё крепче и крепче, потому что хоть и думал, что пришла его смерть, но решил встретить её, не разжимая зубов. Этого требовала честь его рода.

Голова у него кружилась, его тошнило, и он чувствовал себя так, будто весь был разбит на куски. Вдруг у него за спиной словно ударил гром, и горячий вихрь налетел на него и сбил его с ног, а красный огонь опалил ему шёрстку. Это Большой Человек, разбуженный шумом, прибежал с охотничьим ружьём, выстрелил сразу из обоих стволов и попал Нагу в то место, где кончается его капюшон. Рикки-Тикки лежал не разжимая зубов, и глаза у него были закрыты, так как он считал себя мёртвым.

Но змеиная голова уже больше не двигалась. Большой Человек поднял Рикки с земли и сказал:

– Смотри, опять наш мангуст. В эту ночь, Элис, он спас от смерти нас – и тебя, и меня.

Тут вошла Теддина мать с очень бледным лицом и увидела, что осталось от Нага. А Рикки-Тикки кое-как дотащился до Теддиной спальни и всю ночь только и делал, что встряхивался, как бы желая проверить, правда ли, что его тело разбито на сорок кусков, или это ему только так показалось в бою.

Когда пришло утро, он весь как бы заоченел, но был очень доволен своими подвигами.

«Теперь я должен прикончить Нагайну, а это труднее, чем справиться с дюжиной Нагов... А тут ещё эти яйца, о которых она говорила. Я даже не знаю, когда из них вылупятся змеёныши... Чёрт возьми! Пойду и потолкую с Дарзи».

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки со всех ног бросился к терновому кусту. Дарзи сидел в гнезде и что есть мочи распевал весёлую победную песню. Весь сад уже знал о гибели Нага, потому что уборщик швырнул его тело на свалку.

– Ах ты глупый пучок перьев! – сказал Рикки-Тикки сердито. – Разве теперь время для песен?

– Умер, умер, умер Наг! – заливался Дарзи. – Смелый Рикки-Тикки впился в него зубами! А Большой Человек принёс палку, которая делает бам, и перебил Нага надвое, надвое, надвое! Никогда уже Нагу не пожирать моих деток!

– Всё это так, – сказал Рикки-Тикки, – Но где же Нагайна? – И он внимательно огляделся вокруг.

А Дарзи продолжал заливаться:

*Нагайна пришла к водосточной трубе,
И кликнула Нага Нагайна к себе,*

*Но сторож взял Нага на палку
И выбросил Нага на свалку.
Славься же, славься, великий
Красноглазый герой Рикки-Тикки!..*

И Дарзи снова повторил свою победную песню.

– Достать бы мне до твоего гнезда, я бы вышвырнул оттуда всех птенцов! – закричал Рикки-Тикки. – Или ты не знаешь, что всё в своё время? Тебе хорошо распевать наверху, а мне здесь внизу не до песен: нужно снова идти воевать! Перестань же петь хоть на минуту.

– Хорошо, я готов замолчать для тебя – для героя, для прекрасного Рикки! Что угодно Победителю Свирепого Нага?

– В третий раз тебя спрашиваю: где Нагайна?

– Над мусорной кучей она у конюшни, рыдает о Наге она... Велик белозубый Рикки!..

– Оставь мои белые зубы в покое! Не знаешь ли ты, где она спрятала яйца?

– У самого края, на дынной гряде, под забором, где солнце весь день до заката... Много недель миновало с тех пор, как зарыла она эти яйца...

– И ты даже не подумал сказать мне об этом! Так под забором, у самого края?

– Рикки-Тикки не пойдёт же глотать эти яйца!

– Нет, не глотать, но... Дарзи, если у тебя осталась хоть капля ума, лети сейчас же к конюшне и сделай вид, что у тебя перебито крыло, и пусть Нагайна гонится за тобой до этого куста, понимаешь? Мне надо пробраться к дынной гряде, а если я пойду туда сейчас, она заметит.

Ум у Дарзи был птичий, в его крошечной головке никогда не вмещалось больше одной мысли сразу. И так как он знал, что дети Нагайны выводятся, как и его птенцы, из яиц, ему подумалось, что истреблять их не совсем благо-родно. Но его жена была умнее. Она знала, что каждое яй-

цо кобры – это та же кобра, и потому она тотчас же вылетела вон из гнезда, а Дарзи оставила дома: пусть греет малюток и горланит свои песни о гибели Нага. Дарзи был во многом похож на всякого другого мужчину.

Прилетев на мусорную кучу, она стала его зить в двух шагах от Нагайны и при этом громко кричала:

– Ой, у меня перебито крыло! Мальчишка, живущий в доме, бросил в меня камнем и перебил мне крыло!

И она ещё отчаяннее захлопала крыльями.

Нагайна подняла голову и зашипела:

– Это ты дала знать Рикки-Тикки, что я хочу ужалить его? Плохое же ты выбрала место хромать!

И она скользнула по пыльной земле к жене Дарзи.

– Мальчишка перебил его камнем! – продолжала кричать жена Дарзи.

– Ладно, может быть, тебе будет приятно узнать, что, когда ты умрёшь, я разделаюсь с этим мальчишкой по-своему. Сегодня с самого рассвета мой муж лежит на этой мусорной куче, но ещё до заката мальчишка, живущий в

доме, тоже будет лежать очень тихо... Но куда же ты? Не думаешь ли ты убежать? Всё равно от меня не уйдёшь. Глупая, погляди на меня!

Но жена Дарзи хорошо знала, что этого-то ей и не следует делать, потому что стоит только какой-нибудь птице глянуть змее в глаза, как на птицу с перепугу нападает столбняк и она не может шевельнуться. Жена Дарзи рванулась прочь, жалобно попискивая и беспомощно хлопая крыльями. Над землёй она не вспорхнула ни разу, а Нагайна мчалась за ней всё быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они бегут от конюшни по садовой дорожке, и кинулся к дынной гряде, к тому краю, что у самого забора. Там в разопрелой земле, покрывающей дыни, он отыскал двадцать пять змеиных яиц, очень искусно припрятанных, – каждое такой величины, как яйцо бантамки⁴, только вместо скорлупы они покрыты белёсой кожей.

– Ещё день, и было бы поздно! – сказал Рикки-Тикки, так как он увидел, что внутри кожуры лежали, свернувшись, крошечные кобры.

Он знал, что с той самой минуты, как они вылупятся из яйца, каждая может убить человека и мангуста. Он принялся быстро-быстро надкусывать верхушки яиц, прихватывая при этом головки змеёнышей, и в то же время не забывал раскапывать гряду то там, то здесь, чтобы не пропустить какого-нибудь яйца незамеченным.

Осталось всего три яйца, и Рикки-Тикки начал уже хихикать от радости, когда жена Дарзи закричала ему:

– Рикки-Тикки, я заманила Нагайну к дому, и Нагайна поползла на веранду! О, скорее, скорее! Она замышляет убийство!

Рикки-Тикки надкусил ещё два яйца, а третье взял в зубы и помчался к веранде.

⁴ Бантамка – курица мелкой породы.

Тедди, его мать и отец сидели на веранде за завтраком. Но Рикки-Тикки заметил, что они ничего не едят. Они сидели неподвижно, как каменные, и лица у них были белые. А на циновке у самого Теддиного стула извивалась кольцами Нагайна. Она подползла так близко, что могла во всякое время ужалить голую ногу Тедди. Раскачиваясь в разные стороны, она пела победную песню.

– Сын Большого Человека, убившего Нага, – шипела она, – подожди немного, сиди и не двигайся. Я ещё не готова. И вы все трое сидите потише. Если вы шевельнётесь, я ужалю его. Если вы не шевельнётесь, я тоже ужалю. О глупые люди, убившие Нага!

Тедди не отрываясь впился глазами в отца, а отец только и мог прошептать:

– Сиди и не двигайся, Тедди. Сиди и не двигайся!

Тут подбежал Рикки-Тикки и крикнул:

– Повернись ко мне, Нагайна, повернись и давай сражаться!

– Всё в своё время! – отвечала она, не глядя на Рикки-Тикки. – С тобой я расквитаюсь потом. А покуда погляди на своих милых друзей. Как они притихли и какие у них белые лица! Они испугались, они не смеют шелохнуться. И если ты сделаешь хоть один шаг, я ужалю.

– Погляди на своих змеёнышей, – сказал Рикки-Тикки, – там у забора, на дынной гряде. Ступай и погляди, что случилось с ними.

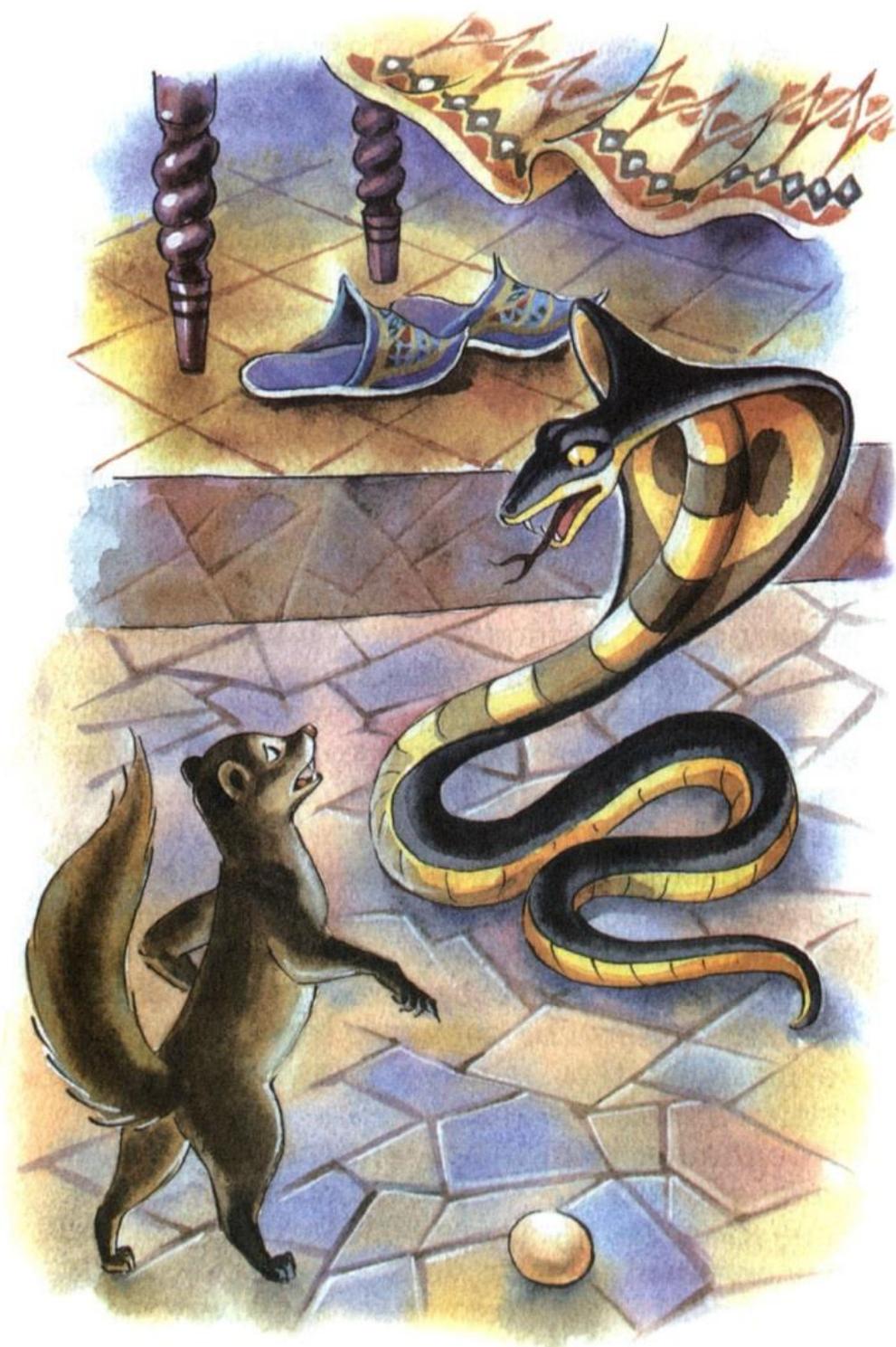
Змея глянула вбок и увидела на веранде яйцо.

– О! Дай его мне! – закричала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами, и глаза у него стали красны, как кровь.

– А какой выкуп за змеиное яйцо? За маленькую кобру? За кобру-царевну? За самую, самую последнюю в роде? Остальных уже пожирают на дынной гряде муравьи.

Нагайна повернулась к Рикки-Тикки. Яйцо заставило её позабыть обо всём, и Рикки-Тикки видел, как Теддин

отец протянул большую руку, схватил Тедди за плечо и протащил его по столу, уставленному чайными чашками, в такое место, где змея не достанет его.

– Обманул! Обманул! Обманул! Рикк-чк-чк! – дразнил её Рикки-Тикки. – Мальчик остался цел, – а я, я, я нынче ночью схватил твоего Нага за шиворот... там, в ванной комнате... да!

Тут он начал прыгать вверх и вниз всеми четырьмя лапами сразу, сложив их в один пучок и прижимаясь головой к полу.

– Наг размахивал мной во все стороны, но не мог стряхнуть меня прочь! Он уже был неживой, когда Большой Человек расшиб его палкою надвое. Убил его я, Рикки-Тикки-чк-чк! Выходи же, Нагайна! Выходи и сразись со мною. Тебе недолго оставаться вдовой!

Нагайна увидела, что Тедди ей уже не убить, а яйцо лежит у Рикки-Тикки между лапами.

– Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки! Отдай мне моё последнее яйцо, и я уйду и не вернусь никогда, – сказала она, опуская свой капюшон.

– Да, ты уйдёшь и никогда не вернёшься, Нагайна, потому что тебе скоро лежать рядом с твоим Нагом на мусорной куче. Скорее же сражайся со мною! Большой Человек уже пошёл за ружьём. Сражайся же со мною, Нагайна!

Рикки-Тикки егозил вокруг Нагайны на таком расстоянии, чтобы она не могла его тронуть, и его маленькие глазки были как раскалённые угли.

Нагайна свернулась в клубок и что есть силы налетела на него. А он отскочил вверх – и назад. Снова, и снова, и снова повторялись её нападения, и всякий раз её голова хлопалась с размаху о циновку, и она снова свёртывалась, как часовая пружина. Рикки-Тикки плясал по кругу, желая обойти её сзади, но Нагайна всякий раз поворачивалась, чтобы встретить его лицом к лицу, и оттого её хвост шуршал на циновке, как сухие листья, гонимые ветром.

Он и забыл про яйцо. Оно всё ещё лежало на веранде, и Нагайна подкрадывалась к нему ближе и ближе. И наконец, когда Рикки остановился, чтобы перевести дух, она подхватила яйцо и, скользнув со ступеней веранды, понеслась как стрела по дорожке.

Рикки-Тикки – за нею. Когда кобра убегает от смерти, она делает такие извивы, как хлыст, которым стегают лошадиную шею.

Рикки-Тикки знал, что он должен настигнуть её, иначе все тревоги начнутся опять. Она неслась к терновнику, чтобы юркнуть в густую траву, и Рикки-Тикки, пробегая, услышал, что Дарзи всё ещё распевает свою глупую победную песню. Но жена Дарзи была умнее его. Она вылетела из гнезда и захлопала крыльями над головой Нагай-

ны. Если бы Дарзи прилетел ей на помощь, они, может быть, заставили бы кобру свернуть. Теперь же Нагайна только чуть-чуть опустила свой капюшон и продолжала ползти напрямик. Но эта лёгкая заминка приблизила к ней Рикки-Тикки. Когда она шмыгнула в нору, где жили она и Наг, белые зубы Рикки вцепились ей в хвост, и Рикки протиснулся туда вслед за нею, а, право, не всякий мангуст, даже самый умный и старый, решится последовать за коброй в нору. В норе было темно, и Рикки-Тикки не мог угадать, где она расширится настолько, что Нагайна повернётся и ужалит его. Поэтому он яростно вцепился в её хвост и, действуя лапками, как тормозами, изо всех сил упирался в покатуую, мокрую, тёплую землю.

Вскоре трава перестала качаться у входа в нору, и Дарзи сказал:

– Пропал Рикки-Тикки! Мы должны спеть ему похоронную песню. Бесстрашный Рикки-Тикки погиб. Нагайна убьёт его в своём подземелье, в этом нет никакого сомнения.

И он запел очень печальную песню, которую сочинил в тот же миг, но, едва он дошёл до самого грустного места, трава над норой зашевелилась опять, и оттуда, весь покрытый грязью, выкарабкался, облизывая усы, Рикки-Тикки. Дарзи вскрикнул негромко и прекратил свою песню.

Рикки-Тикки стряхнул с себя пыль и чихнул.

– Всё кончено, – сказал он. – Вдова никогда уже не выйдет оттуда.

И красные муравьи, что живут между стеблями трав, немедленно стали спускаться в нору друг за другом, чтобы разведать, правду ли он говорит.

Рикки-Тикки свернулся клубком и тут же, в траве, не сходя с места, заснул – и спал, и спал, и спал до самого вечера, потому что нелегка была его работа в тот день.

А когда он пробудился от сна, он сказал:

– Теперь я пойду домой. Ты, Дарзи, сообщи кузнецу, а он сообщит всему саду, что Нагайна уже умерла.

Кузнец – это птица. Звуки, которые она производит, совсем как удары молоточка по медному тазу. Это потому, что она служит глашатаем в каждом индийском саду и сообщает новости всякому, кто желает слушать её.

Идя по садовой дорожке, Рикки-Тикки услышал её первую трель, как удары в крошечный обеденный гонг. Это значило: «Молчите и слушайте!» А потом громко и твёрдо:

– Динг-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагайна умерла! Динг-донг-ток!

И тотчас же все птицы в саду запели и все лягушки заквакали, потому что Наг и Нагайна пожирали и птиц и лягушек.

Когда Рикки приблизился к дому, Тедди, и Теддина мать (она всё ещё была очень бледна), и Теддин отец бросились ему навстречу и чуть не заплакали. На этот раз он наелся как следует, а когда настало время спать, он уселся

на Теддино плечо и отправился в постель вместе с мальчиком. Там увидела его Теддина мать, придя проведать сына поздно вечером.

– Это наш спаситель! – сказала она мужу. – Подумай только: он спас и Тедди, и тебя, и меня.

Рикки-Тикки тотчас же проснулся и даже подпрыгнул, потому что сон у мангустов очень чуткий.

– А, это вы! – сказал он. – Чего же вам ещё беспокоиться: ни одной кобры не осталось в живых, а если бы они и остались – ведь я тут.

Рикки-Тикки имел право гордиться собою. Но всё же он не слишком заважничал и, как истый мангуст, охранял этот сад и зубом, и когтем, и прыжком, и наскоком, так что ни одна кобра не смела сунуться сюда через ограду.

СОДЕРЖАНИЕ

Слонёнок
Кошка, гулявшая сама по себе
Рикки-Тикки-Тави

Серия «Школьная библиотека»

Редьярд Киплинг

«РИККИ-ТИККИ-ТАВИ» И ДРУГИЕ СКАЗКИ

Перевод с английского

Корнея Чуковского

Книжное литературно-художественное издание
для детей младшего и среднего школьного возраста

Художник

Кузнецова Надежда Владимировна

Главный редактор А. Алир

Технический редактор М.В.Юдаева

Компьютерная вёрстка С.А.Баварова

Корректор С.П.Мосейчук

Ответственный за выпуск В.Н.Базиков

Дата изготовления/Подписано в печать 26.06.2020.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 5.

Гарнитура «Прагматика».

Тираж 20 000 экз. Заказ № 2020.

ООО «Самовар-книги»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д. 1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» АО «Издательство «Высшая школа».

Российская Федерация, 170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Тел.: +7(4822)44-85-98. Факс: +7(4822)44-61-51.

Артикул К-ШБ-104
ISBN 978-5-9781-1131-6

Сделано в России
Срок годности не ограничен

© К.И.Чуковский,
наследники, перевод.
© Н.В.Кузнецова, иллюстрации.
© ООО «Самовар-книги»,
серийное оформление.

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Надежда Кузнецова

